

**Отзыв официального оппонента К.А. Кочегарова, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время ФГБУН Институт славяноведения РАН на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Д.О. Манина по теме «Внешнеполитические связи России и Франции во второй половине XVII в.»
Специальность 5.6.1. Отечественная история**

Изучение русско-французских отношений раннего Нового времени (в допетровскую эпоху) в целом и во второй половине XVII столетия в частности обладает определенной спецификой в контексте целей, задачи и основных направлений внешней политики России эпохи первых Романовых. С одной стороны, Франция, как и многие (но не все!) западноевропейские державы определенно не входила в круг первостепенных интересов царя и его советников, которые в первую очередь держали руку на пульсе регулярных и весьма неровных (от вражды до союза или хрупкого мира) контактах с ближайшими соседями: в первую очередь – с Крымским ханством, Речью Посполитой, Швецией, Османской империей, во вторую очередь – с Дунайскими княжествами, державой Габсбургов, Данией, Голландией, Бранденбургом и др. Со странами первого эшелона Москву самым непосредственным образом связывали внешнеполитические противоречия, связанные с борьбой за укрепление международного положения страны, со странами второго эшелона – главным образом экономические и культурные отношения, либо нерегулярные контакты политического характера. Франция не относилась в данном случае не к ближнему, ни к среднему кругу стран, очерчивавших внешнеполитические интересы монархии первых Романовых, находясь скорее на дальней периферии внимания царя и его советников, подобно еще более далекой Испании или итальянским республиками и княжествам. С другой стороны, и французский двор, находившийся во второй половине XVII столетия в центре борьбы за европейскую гегемонию и выступавший после Вестфальского мира и опорой для системы международных отношений в Европе, и одновременно источником конфликтов на континенте, явно не числил Россию среди своих не только важных, но и сколько-нибудь значимых партнеров.

Подобная констатация вовсе не означает, что русско-французские отношения второй половины XVII в. не могут быть предметом систематического исследования. Наоборот актуальность данной проблематики с точки зрения истории внешней политики России весьма высока. Во-первых, данный период непосредственно предшествует полноправному вхождению России в большую европейскую политику, начавшемуся в эпоху Петра Великого, когда отношения Версаля и Петербурга стали одним из важнейших элементов ее конструкции. Во-вторых, для самой России указанное время стало периодом постепенного преодоления внешнеполитического изоляционизма первых десятилетий после Смуты,

расширения сферы международных контактов, роста интереса к достижениям западной культуры и науки. В-третьих, актуальным представляется вопрос, насколько сам французский двор принимал во внимание либо оценивал подобные тенденции во внешней политике Москвы, и влияло ли это как-то эволюцию взглядов версальских политиков касательно расстановки сил в регионе Восточной Европы накануне их серьезной трансформации в первой четверти XVIII века.

Нельзя сказать, чтобы указанная проблематика была совершенно лишена историографии. Русско-французских отношений, если не считать обобщающих трудов, касался в своем исследовании дореволюционный историк П.В. Безобразов, в советское время – В.Д. Грачев (автор очерка «Франко-русские отношения во второй половине XVII века»¹) и В.Д. Преображенский; после 1991 г. их в качестве предыстории бегло описывал известный историк русско-французских отношений XVIII в. Петр Черкасов. В целом существующая историография, включающая и указанный перечень работ, не раскрывает проблематику русско-французских отношений второй половины XVII столетия на должном методологическом и источниковом уровне. Работы исследователей второй половины XIX – XX веков порой отягощены общими стереотипами поиска истоков российского и советского великодержавия, а также основаны в лучшем случае на отечественном архивном материале и французских публикациях источников, что исключает анализа всей совокупности имеющегося архивного материала, который может быть вовлечен в оборот. Соответственно, имеющиеся работы не могут исчерпывающе ответить на поставленные выше вопросы, обеспечив комплексное и всестороннее изучение взаимоотношений России и Франции в указанный период.

Вот почему диссертационное исследование Д. Манина следует признать актуальным с точки зрения целей и задач современной российской исторической науки в целом, и истории внешней политики в частности.

Выбор автором хронологических рамок работы отнюдь не случаен и не является отражением простого механического деления XVII столетия на две половины. Середина века стала временем серьезного кризиса в международных отношениях Восточной Европы, вызванного начавшимся в 1648 г. восстанием Богдана Хмельницкого, которое, в свою очередь явилось основной предпосылкой длительной и затяжной русско-польской войны 1654–1667 гг. Для русской дипломатии, как показал в своей монографии «Россия и ее западные соседи» Б.Н. Флоря, этот период стал крупным внешнеполитическим и

¹ Грачев В.Ф. Франко-русские отношения во второй половине XVII века // Ученые записки Шуйского государственного педагогического института. Вып. 8. Шуя, 1959. Несколько удручает, что эта работа в диссертации вообще не упоминается.

институциональным вызовом, обусловленным срочной необходимостью поиска новых союзников и стремлением оправдать законность своего выступления против Варшавы в глазах всех важнейших участников международной политики на европейском континенте.

Выбор верхней хронологической грани исследования, связанной с завершением посольства Я.Ф. Долгорукова, после которого в русско-французских отношениях наступила долгая пауза, вполне обоснован, тем более что он связан со значимой датой российской истории: падением правительства В.В. Голицына и царевны Софьи и в глазах историков является устоявшимся рубежом начала эпохи деяний царя-преобразователя, означавшей в том числе глубокую институциональную и функциональную трансформацию российской дипломатии и внешней политики (пусть и начавшуюся в недалеком будущем, а не в 1689 г.).

Оценивая источниковую базу исследования следует подчеркнуть, что автор привлек не только основной архивный комплекс российских документов, который содержится в посольских книгах и столбцах фонда № 93 «Сношения России с Францией» и других собраниях посольских дел РГАДА, но и разнообразный материал французских архивных собраний. С этой точки зрения работа Д. Манина несомненно основана на максимально репрезентативной источниковой базе, как отечественной, так и заграничной и носит безусловно новаторский характер.

Диссертация состоит из четырех глав, введения и заключения. Глава первая охватывает русско-французские контакты времен русско-польской войны, включая миссию во Францию К. Мачехина и неудачные попытки французской дипломатии посредничать в заключении мира между Москвой и Варшавой.

Говоря о миссии Мачехина, автору следовало бы более последовательно встроить ее в контекст тех миссий, которые Россия отправила к другим западноевропейским дворам, четко отделив те из них, которые носили практический характер и те, которые являлись сугубо репрезентативными и посылались с целью объяснить причины, по которым русское правительство решилось начать войну. Л.В. Заборовский, на которого опирается Д. Манин, специально отмечает, что сначала (в конце октября 1653 г.) из Москвы отправились М. Васильев в Швецию и Г.С. Поливанов в Голландию со срочными просьбами о закупках оружия. Уже позже их, в декабре, выехали четыре гонца: Мачехин во Францию, С. Евский – в Швецию, А. Кокошкин – в Данию и М. Поливанов – в Голландию (вторая миссия)².

Д. Манин по этому поводу пишет: «изучение русских дипломатических миссий 1653–1654 гг. В. П. Заборовским показало, что хотя первые гонцы были отправлены в Швецию и

² Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 30–31.

Республику Соединенных провинций, а остальные лишь позже во Францию, Швецию, Голландию и Данию, тем не менее это было сделано в связи с антигабсбургской ориентацией этих стран и именно они, как вероятно представлялось в окружении царя и в Посольском приказе, могли иметь более благожелательное отношение к русской внешней политике». Исследователь не поясняет, почему в Голландию выехало две миссии (в тексте работы: «в Республику Соединенных Провинций» и в «Голландию») и не объясняет четко, с чем это было связано. Впоследствии он отмечает, что Голландия «направила в Россию партию оружия, с другой стороны, из Франции происходила поддержка Речи Посполитой, а в дальнейшем даже существовали планы прямой военной помощи и остановить ее заранее могло быть достаточно важным». Здесь таким образом происходит искусственное включение Франции в круг держав, со стороны которых Россия рассчитывала на конкретные шаги поддержки, хотя Л.В. Заборовский четко разграничил практические цели октябрьских (в Швецию и Голландию) и политические цели декабрьских посольств 1653 г. Наконец, утверждение (со ссылкой на работу польского военного историка М. Нагельского), что во Франции де строили планы оказания Речи Посполитой военной помощи весьма гипотетично, если учитывать широкий внешнеполитический контекст польского Потопа: помощь Речи Посполитой в итоге оказывали враждебные французам Габсбурги, отчасти Бранденбург и крымские татары, но никак не Франция³. Но дело даже не в этом: вряд ли в Москве вообще знали о планах Франции поддержать Польшу (если они вообще были) или могли это предполагать; такое суждение должно найти опору в источниках, хотя бы косвенную, например, в наказе посольству, либо в конкретных шагах посла (в дальнейшем Д. Манин признает, что никаких инструкций вести какие-либо переговоры Мачехин не имел, с опорой на французские источники пишет о том, что русский дипломат был весьма слабо осведомлен о международных делах и едва умел писать). Наказ посольству, судя по всему, в фонде 93 отсутствует, и важно было бы

³ В дальнейшем (с. 52) Д. Манин пишет: «Русской дипломатии не удалось, как вероятно планировалось, локализовать русско-польский конфликт и отстранить от участия в нем французов. В войне на стороне Речи Посполитой приняли участие Р. де Ла Валетт (судя по всему в польской армии не служил и в походе 1663–1664 гг. не участвовал, но написал ист. сочинение о Яне Казимире. – К.К.), графы А. де Гиш и А. де Лувињи, А. де Грамон (на самом деле речь о двух братьях де Грамон, Армане и Антуане-Шарле, французских аристократах, один из них носил титул графа де Лувињи, другой – графа де Гиша, оба поступили на польскую службу частным порядком) и др.». Это заключение представляется нелогичной и неуместной натяжкой. Каким образом упоминание отдельных французских офицеров в армии Яна Казимира в 1663–1664 гг. является свидетельством краха усилий русских дипломатов, и в т.ч. неопытного Мачехина, добиться неучастия в русско-польской войне французских наемников либо волонтеров подобно таким же лицам из германских земель или Шотландии?! Тем более нет оснований связывать их с планами польской королевской пары, в т.ч. французенки Людовики Марии «закрепить на французском престоле герцога Энгийенского или принца Конде». Здесь скорее речь может идти о французенках – фрейлинах королевы, целенаправленно выдававшихся замуж за польских магнатов (самый известный казус – брак Яна Собеского), однако Д. Манин об этом не пишет.

услышать мнение автора о причинах этого (не сохранился, не был составлен по каким-то причинам). Однако диссертант об этом умолчал. Саму реконструкцию посольства Мачехина, сделанную на материалах русских и французских архивов, следует признать обстоятельной и всесторонней. Несомненно, положительной оценки заслуживает также анализ Маниным представлений о миссии Мачехина в общественном мнении тогдашней Франции, выраженном во французской печати, сочинениях литератора Лорета и др. текстах.

Вместе с тем Д.О. Манин преувеличивает политическое значение миссии Мачехина как и в целом обоюдное значение взаимных контактов для Франции и России в этот период. Обусловлено это отчасти и недостаточно четко представленной в работе реконструкцией польских внутри- и внешнеполитических реалий⁴. В описываемое время, да и в последующие десятилетия Австрия и Франция были главными игроками на политической арене польско-литовской шляхетской республики, охваченной перманентной борьбой магнатско-шляхетской оппозиции и с реальными или мнимыми планами усиления королевской власти. В этой борьбе и королевский двор, и оппозиция в разной степени стремились заручиться поддержкой Парижа или Вены, которые могли ситуативно поддерживать планы реформ по укреплению королевской власти или же оказывать поддержку выступающим против них магнатам. Каждый при этом преследовал свои цели: двор желал укрепления власти короля, магнаты сохранения его ограниченных прав, Франция и Австрия – удержания Речи Посполитой в орбите своей политики. Собственно, польской политике Франции в значительной степени подчинялись и контакты с Россией в указанное время. Французской дипломатии было необходимо добиться русско-польского примирения, тем самым выражая поддержку профранцузской партии во главе с королевой Людовикой Марией. Однако эти попытки не были слишком активными (и это видно из фактического материала, который приводит диссертант), что наводит на мысль об их демонстрационном характере, маскировавшим не особо сильное желание Парижа вовлекаться в восточноевропейские дела. На этом фоне Габсбурги были гораздо более успешными: они посредничали в русско-польских переговорах; их посольства допускали в Москву. Адекватное отображение в первой главе указанного контекста позволило бы

⁴ Здесь может быть высказан и ряд мелких замечаний. Посольство в Москву в 1657 г. направил не А. Госевский, а его сын Вицентий Корвин (с. 61). Говоря о французском посредничестве между Россией и Польшей в 1660 г., автор считает, что французского посланника де Любмра связал с А.Л. Ординым-Нашокиным литовский канцлер М. Пац (с. 76). Речь, однако, должна идти о великом канцлере Кшиштофе Паце, а не Михале, который был литовским обозным, а позднее стал гетманом. В целом предположение, что Кш. Пац мог выступить в данном случае посредником, вполне резонно, тем более что в польской историографии общеизвестной является его принадлежность к профранцузской партии не только в 1661 г., но и на протяжении значительного периода времени.

диссертанту оценить русско-французские отношения этого периода более взвешенно, избавило бы от необходимости создавать видимость активного и целенаправленного участия французских офицеров в русско-польской войне на стороне Речи Посполитой и концептуализировать планы противодействия Москвы возможному французскому вмешательству в конфликт. В целом первая глава оставляет двойственное впечатление. С одной стороны – богатый фактический материал, блестящий детальный анализ отдельных аспектов русско-французских контактов в политике Парижа в регионе, с другой – отдельные спорные суждения о степени налаженности взаимосвязей и взаимной заинтересованности сторон в их развитии. Впрочем, итоговые суждения диссертанта о том, что «благодаря расширявшимся дипломатическим контактам в России корректировались представления о расстановке сил в Европе, шел поиск возможных союзников и уточнялись их позиции», а «во Франции, в свою очередь, складывались новые представления о месте России в европейской политике и специфике ее позиций» (с. 83) следует признать верными и обоснованными.

Вторая глава посвящена главным образом посольству П.И. Потемкина и отдельным аспектам русско-французских торговых связей в конце 1660-х – 1670-х гг., а также европейской миссии А.А. Виниуса, посетившего в числе других европейских столиц и Париж. Детальная и обстоятельная реконструкция истории русских посольств, а также проекта торгового соглашения Франции с Россией, сделанная на французском архивном материале заслуживает безусловно положительной оценки. Также следует согласиться с оценкой диссертанта русско-французских контактов в этот период как осторожного зондирования настроений при европейских дворах возможности возникновения широкой антиосманской коалиции. Для России, стоявшей на пороге длительного противоборства с Османской империей и ее сателлитами в регионе Восточной Европы это было весьма актуально. Д.О. Манин справедливо подчеркивает обоснованность подобных шагов, демонстрируя в своем изложении, что главной целью русско-французских контактов было выяснение внешнеполитических приоритетов Парижа и в т.ч. позиций французской дипломатии в Константинополе с точки зрения вызревавшего русско-османского конфликта, который для Москвы играл роль серьезнейшего внешнеполитического вызова. Говоря об анализе диссертантом русско-французских торговых переговоров, следует отметить, что в данном случае не повредило бы привлечение более широкого и систематически изложенного контекста торговых отношений России с остальными европейскими странами, прежде всего Голландией, Данией, Швецией, отчасти с Англией, лишенной торговых привилегий в середине XVII в. Это позволило бы лучше понять, насколько проекты Парижа отвечали / не отвечали, копировали или наоборот проигрывали

в отношении той системы торговых взаимоотношений, которые установились между Москвой и вышеозначенными странами.

Третья и четвертая главы освещают период активизации русско-французских дипломатических контактов, связанных в том числе с планами участия России в антитурецкой коалиции европейских держав. Опосредованное присоединение Москвы к Священной лиге в результате соглашения с Речью Посполитой в 1686 г. вызвало активизацию ее контактов с державами Западной Европы, и в том числе с Францией. Завешается четвертая глава очерком о попытках французских иезуитов проникнуть в Китай через российскую территорию.

Говоря о посольстве Потемкина 1681–1682 гг., автору следовало бы более широко остановиться на его международном контексте, указать что организовывалось оно в период, когда Россия после Чигиринских кампаний 1677 и 1678 гг. стремилась к завершению войны с Османской империей и Крымом и резко возросшая международная активность Москвы, включавшая переговоры с Речью Посполитой, французским, австрийским и папским представителями при варшавском дворе, русское посольство в Венну являлись с одной стороны – очередной попыткой зондировать вопросы создания широкой коалиции против Османской империи, с другой – средством опосредованного давления на крымский и османский дворы для заключения мирного соглашения на как можно более выгодных для России условиях, в первую очередь территориальных. Исходя из этого следует, подчеркнуть, что политические цели посольства Потемкина изложены диссертантом не очень внятно⁵ и сведены, с одной стороны к формальным, официальным вопросам (сообщить о воцарении Федора Алексеевича и укрепить «братскую дружбу и любовь»), с другой – к инструкциям по торгово-экономическим вопросам. И здесь вновь необходимо посоветовать на отсутствие в работе более детального анализа наказа посольству – степени его сохранности, структуре, официальным и подразумеваемым целям.

Автор справедливо полагает, что рост интереса Москвы к контактам с Парижем был обусловлен активизацией русской внешней политики в связи начавшейся войной коалиции европейских держав против Османской империи в 1683 г. и открывшихся в связи с этим новых возможностях заключения русско-польского мира и союза. Однако из его изложения не ясно, какое место в этой политике Москвы занимал французский фактор. Диссертант сводит рассуждения на эту важную тему к довольно к общим констатациям о том, что

⁵ Можно возразить, что это уже было проделано в статье Б.Н. Флори (*Флоря Б.Н.* Проект русско-французского союза 1680 года против османов / Б. Н. Флоря // *Средние века.* 2018. Вып. 79(2). С. 139–146), но как представляется в работе претендующей на полностью освещение русско-французских отношений второй половины XVII в. должны быть представлены, критически проанализированы, и, в случае положительной оценки, имплементированы в текст, все существующие достижения историографии по данному вопросу.

«объединение основных европейских держав против Порты (объединение это, если причислять к основным европейским державам Австрию и Францию, так и не произошло. – К.К.) было залогом как успешной военной кампании, так и скорейшего заключения Вечного мира». Д.О. Манин пишет о «формировании единой внешнеполитической линии правительства кн. В. В. Голицына в отношении Франции», но судит об этом лишь по возросшей частоте русских миссий в Париж! Удручает при этом, что диссертант совершенно прошел мимо анализа посольства С. Алмазова и С. Ипполитова (включая довольно детальный разбор его наказа, целей и т.д.), проведенного, пусть только и на основе материалов РГАДА, в нашей работе в далеком 2008 г.⁶ Сам же он при этом должным образом наказ посольства не анализирует, и говорит о его «успешности» лишь исходя из того, что Людовик XIV формально одобрил вхождение России в антиосманскую лигу и закрепил в ответной грамоте за царями титул «великих государей». Неверным и поверхностным представляется утверждение диссертанта, что «в 1684–1686 гг. политика [России] определялась курсом на сближение со Священной лигой, а в 1687–1689 гг. – попытками следовать ее курсу, что стало одной из основных причин краха режима правления, установленного царевной Софьей Алексеевной и кн. В. В. Голицыным» (с. 235). Главными задачами внешней политики России в этот период было закрепление за Москвой территорий, полученных от Речи Посполитой по Андрусовскому перемирию 1667 г. и пересмотр вооруженным путем (с опорой на союз с Польшей и через него – опосредованное присоединение к Священной лиге) не удовлетворявших Россию условий Бахчисарайского перемирия 1681 г. в отношении Крымского ханства.

Анализ целей и задач, а также хода посольства Я.Ф. Долгорукова – наиболее представительной миссии в течение всего рассматриваемого периода, пожалуй, является наиболее удачным и всесторонним в первую очередь с точки зрения ее политических целей и задач. Автор правильно оценивает ее характер и значение, вписывая ее в контекст активизации внешней политики России в отношении европейских стран после заключения Вечного мира, выделяет не только репрезентативные, но и политические цели посольства; детально рассматривает возникшие церемониальные и протокольные трения, которые привели к фактическому прекращению русско-французских контактов на длительное время.

В заключение следует подчеркнуть, что диссертантом проделана большая и ценная для науки работа. Нельзя не отметить кропотливо и систематически собранный материал из самых разнообразных источников, последовательное и подробное описание всех

⁶ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 289–293.

дипломатических миссий и контактов, критических анализ и сопоставление сведений русских и французских документов. В результате получилась целостная и впечатляющая картина русско-французских контактов именно с точки зрения церемониала, взаимного социального «узнавания», бытовых и культурно-коммуникационных аспектов. Все это достаточно системно представлено диссертантом в «Заключении» (хотя не всегда просматривается в отдельных главах работы) и весьма важно для изучения не только практической и политической, но и мировоззренческой и культурной интеграции России в сообщество западных страны, которое в полной мере развернулось уже в Петровскую эпоху. Вместе с тем нельзя не отметить некоторые недостатки работы. Во-первых, это слабое отражение в работе общего контекста и основных этапов эволюции внешней политики России во второй половине XVII в., при том, что отечественная историография накопила солидный багаж по данной проблематике. Это приводит автора к порой спорным либо неясным и не до конца обоснованным оценкам касательно значения той или иной миссии и ее результатов, их роли и места в череде других посольств и общей внешнеполитической стратегии России на данном этапе. Во-вторых, недостаточное внимание диссертанта к содержанию посольских наказов, анализу их структуры, целей и задач, как декларируемых, так и подразумеваемых, что также порой создает трудности в адекватной оценке значения той или иной русской посольской миссии во Францию. Высказанные никоим образом не отменяют научной новизны и ценности работы и могут быть предметом дальнейшей дискуссии и изучения.

Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата исторических наук п. 9 «Положения о присуждении учёных степеней» УрФУ, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история».

Старший научный сотрудник,

кандидат исторических наук

Федеральное государственное

бюджетное учреждение науки Институт

славяноведения Российской академии

наук, 119991, Москва, Ленинский

проспект, д. 32-А; телефон: +7 (495) 938-

17-80; факс: +7 (495) 938-00-96;

mail: k.kochegarov@inslav.ru

Кочегаров Кирилл Александрович

Подпись <u>К.А. Кочегарова</u>	удостоверяю
Начальник отдела кадров ИСл РАН	<u>Кочегаров</u>
«03» <u>сентября</u> 2024 г.	

есть